Один из королевских историков двора громко осудил предательский акт наследного принца ночью, но он все равно хотел втянуть Юбиляра в предательство.

При этом Чжу Цзы Лонг чихнул и сказал: "Я замышляю против императора"? Что-то не так с твоим мозгом, что ты не можешь себе позволить исправить? Восемь торговцев Цзинь вступили в сговор с Цзянь Ну, доказательства очевидны".

Этот речевой офицер был еще более раздражен тем, что его публично унижали, и в этой длинной речи Цзы Чжи Чжи считал грехи несанкционированного убийства придворных чиновников Чжу Цзи Лонга, в результате чего Чунчжэнь на императорской резиденции посинел.

Чжу Цзы Лонг только холодно улыбнулся и сказал: "Его Величество Отец приказал мне не трогать ни одного чиновника выше четвертого ранга, и я уже дал тебе лицо". Как тебе не стыдно!"

Этот речевой офицер в раздражении сказал: "Что Ваше Высочество имеет в виду, чтобы заподозрить нас в сговоре с этим предательским купцом Цзинь?".

Чу Цзы Лонг подошел к нему, посмотрел на него и спросил: "Как тебя зовут?".

Этот речевой офицер ворчал, и даже высокомерно взвешивал ноги, говоря: "Я - Правый Цензор Императорского Двора, Вей Шань, может быть, Ваше Высочество также хочет убить Что со мной не так?"

Чу Цзы Лонг проигнорировал его и просто потянулся в грудь и вытащил его, сотни чиновников любопытствовали этому наследному принцу, задаваясь вопросом, что он ищет, и Чун Чжэнь тоже любопытствовал.

Вскоре толпа увидела, как кронпринц вытаскивает из груди большую стопку бумаг, длина которой при открытии превышала метр.

После полудня поиска по документам, Чжу Цилун наконец-то нашел имя этого Вэй Шаня.

Чжу Цилун взглянул на этого императорского историка и прочитал: "Вэй Шань, джинши 4-го года эпохи Тяньци, глава департамента домашнего хозяйства во 2-м году Чунчжэня и в 6-м году Чунчжэня". Введенная как правая имперская история императорских цензоров, за последние три года было подано в общей сложности сто двадцать мемориалов об импичменте, и в общей сложности сорок три больших и малых чиновника были импичментированы".

Чжу Сьен Лонг остановился и посмотрел на королевского историка по имени Вэй с некоторым сюрпризом, тайно сказав: "Это довольно круто, это все равно, что ловить того, кто находится в день!

После 3 лет работы в качестве имперского историка, если бы он не написал отчет об импичменте, то даже не осмелился бы поприветствовать своих коллег.

В седьмом году Чунчжэнь семья Вэй Шаня, Вэй Вушуан, купила дом в пригороде стоимостью 5300 таэлей серебра. В восьмом году Чунчжэнь, отец Вэй Шаня, Вэй Далу, открыл три зерновых магазина в новом Тайкане в восточном городе стоимостью 9000 таэлей серебра.

В девятый год Чунчжэнь Юй, жена Вэй Шаня, купила в Мин Ю Фан на западе города высококачественный нефритовый магазин, который стоил 26 000 таэлей серебра. В моем

родном городе Юнчэн, Шаньси, у меня есть три тысячи акров земли, два двора, семь магазинов..."

Вэй Шань, который был очень горд собой, выпрямил глаза после того, как услышал Чжу Цзы Длинный декламировать эти вещи, и его сердце замерзло, тем больше он слышал, тем больше боялся, что он стал.

Чунчжэнь на императорском троне хлопнул по подлокотнику, потрясая своей онемевшей правой рукой, но ему было все равно, он яростно сказал: "Вей Шань! Где ты взял все эти серебряные деньги!"

Единственное, что Вей Шань мог сделать, это упасть на колени, дрожа и молча.

Когда он был успешным кандидатом, его уже купили восемь торговцев Цзинь, и каждый год его насиловали. Серебро, которое мы ему послали, богато, поэтому он продолжает говорить за тех предателей".

Глядя на Вей Шаня, который стоял на коленях и молчал, Чунчжэнь знал, что он признался в своей вине, и его гнев рос еще сильнее, и он гневно сказал: "Правильные цензоры Вей Шаня, коррумпированного Это серьезно. Это задира! Императорская гвардия конфискует его дом, снимет шкуру с Вэй Шаня в соответствии со стандартами, установленными императором Тайдзу Гао, и повесит его на Западном рынке!".

Вей Шань услышал новость, мозг внезапно запутался, действительно парализован на земле, дерьмо и моча по всему халату.

Левый офицер министерства исполнения наказаний сказал: "Ваше Величество, наказание за обесшкуривание запрещено учением предков, оно больше не должно практиковаться".

"Раздевайся! А потом они отрезали голову, прежде чем снять с нее кожу! Тот, кто снова умоляет о пощаде, в равной степени виновен!" Чунчжэнь рычал, пугая сотню чиновников, которые больше не осмеливаются его отговаривать.

Сердце Чу Цзы Лонга было забавно, этот император Лаози действительно хороший актер, это действительно актер, который задерживается на троне.

Вся эта история с Вэй Шаном, который осмелился прервать, даже Тан Ши Цзи, который запомнил его реплики и был готов ответить Вэй Шану, была напугана и не могла не сжиматься.

Только тогда Чжу Цзы Лонг медленно сложил бумаги и небрежно сказал: "Если бы не доброта Его Величества отца, который не хотел бы все прекращать, я бы смог что-нибудь с этим сделать". Расширьте, может ли кто-нибудь из вас быть еще жив и достаточно хорошо, чтобы задать такой вопрос перед этим дворцом?"

Он сказал, он даже специально подошел к Тан Шицзи и дал ему осмысленный взгляд, что этот ублюдок Тан Шицзи сказал за полуденными воротами был тайно записан маленьким евнухом, охранявшим полуденные ворота, и перешел к Чжу Чичжуну.

Не только Тан Шицзи, но и многие из присутствовавших министров были немного беспокойны, глядя на буклет в руке Чжу Цзилуна с горящими глазами и небольшим страхом.

Вэнь Ти Рэн, обойдя толпу, взял все на себя и медленно сказал: "Откуда Ваше Высочество знает эти вещи? Это Его Величество восстановил скаутские привилегии императорской

гвардии?"

Имбирь все еще старый и острый, а министры все бросают, когда Вэнь Ти Рэн так говорит, что ты имеешь в виду? Ты сказал, что лишишь охранников полномочий шпионить за чиновниками? Почему ты опять здесь? А как же доверие между правителями и министрами?

Министры начали немного болтать, странно и недовольно смотря на Чжу Цзы Лун и Чунчжэнь!

Чунчжэнь также был немного встревожен, и он посмотрел на Чжу Цзы Лонг, также немного озадачен, желая, чтобы он объяснил.

"Ты старая штучка, ты действительно знаешь, как его перевернуть!" Чжу Цзы Лонг проклял Вэнь Ти Жэнь в своем сердце, но в то же время, он также знал, что если он не объяснить это должным образом, он не будет в состоянии сделать хорошо в будущем и будет во всем суде. Враг недалеко.

Кто хотел бы жить под наблюдением других каждый день его, каждый год, чтобы получить подарок, будни, чтобы пойти в теплицу, чтобы взять девушку известны другим, положить, кто может быть счастливым?

Чжу Цзы Лонг сказал: "Я смог возглавить 5000 батальонов, чтобы убить 10 000 рабов, не только благодаря хорошо обученным и храбрым солдатам батальона". Более того, превосходно способный Лонгчамп в его руках, Ночь без Коллекционера, Ночь без Коллекционера особенно хорош в сборе информации, старейшина Вэнь не знал бы об этом, не так ли?"

Чжу Цзы Лонг мог разместить разведданные только в Ночь Лонгчампов. Он продолжил: "Мой Лонгчамп храброго гвардейского батальона осмелился углубиться". Армия Цзянь Ну прибывает в радиусе пяти миль, чтобы разведать, что такое просто информация!"

"Значит, Ваше Высочество использует армейскую ночь не для того, чтобы собрать в мониторинге министра?" Вен Тирен сохранял спокойствие.

В основном я отвечаю за разведку армии противника и срубаю головы татарам, чтобы получить награду! ...уважая верность стране, у меня нет досуга вмешиваться в семейное дерьмо по будням!"

Чжу Цзы Лонг вновь открыл буклет и держал его в одной руке, говоря: "Что касается этого, я попросил Yebu расследовать и собрать доказательства против врага Цзинь Шан! Свидетельства, которые были случайно найдены среди купцов в Цзине, люди, перечисленные выше, все сотрудничали с сотрудничающими купцами и были подвергнуты Сколько было подкуплено и где было записано".

Чжу Цзы Лонг сказал: "Однако почти все перечисленные выше люди были арестованы императорской гвардией. Это слишком много, и я надеюсь, что некоторые из вас будут достаточно добры, чтобы попытаться сделать хорошую работу для суда и искупить свои грехи"!

Он сказал, что вытащил огненную складку из своего тела и поджег бумаги на месте, сжег ее дотла.